

ОБУВНЫЕ ПОДКОВКИ Г. ТОБОЛЬСКА XVII В.

Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник
e-mail: balyunoff@mail.ru

Целью статьи является изучение обувных железных подковок XVII в., найденных в г. Тобольске. Эти находки позволяют частично охарактеризовать кузнечное и сапожное ремесла древней столицы Сибири. Анализ научной литературы позволяет выделить ряд проблем, связанных с классификацией и хронологией подковок на территории Московского государства и сопредельных территориях. Автором проведен статистический анализ, разработана классификация тобольских находок.

Ключевые слова: обувные подковки, классификация, тип, хронология, Тобольск, XVII в.

На современной территории Тобольска выявлено значительное количество археологических памятников, наиболее ранние из которых относятся к эпохе поздней бронзы. Большую площадь города занимает культурный слой, сформировавшийся вследствие проживания здесь русского населения. Первый тобольский острог был построен в 1587 г. на высоком берегу Иртыша недалеко от места его слияния с Тоболом. Город становится административной и духовной столицей Сибири и значительно расширяет свои границы. Формируется так называемая «историческая часть» Тобольска, где уже неоднократно проводились археологические исследования.

Первые раскопки в исторической части Тобольска были предприняты П.А. Беляевым в 1986 г. на участке Земляного вала города (1688 г.). А в 1998 г. Л.Н. Сладкова проводила исследования на территории усадьбы купца Неудачина. В 2000 г. А.А. Адамов заложил раскоп на месте строительства Иконной лавки в Тобольском кремле [1]. С 2003 по 2008 г. объемные работы по изучению культурного слоя г. Тобольска выполнялись А.А. Адамовым, И.В. Балюновым, П.Г. Даниловым (совместно) [2, с. 25–26].

Благодаря этой деятельности исследователей уже сформировалось несколько предметных комплексов, связанных со слоями, имеющими достаточно узкие временные рамки (в границах одного столетия). Это позволило с помощью формально-типологического метода выявить ряд хронологических особенностей, характеризующих материальную культуру Тобольска в разные периоды.

В археологических коллекциях XVII в. особого внимания заслуживают находки обувных подковок. Следует отметить, что они представлены сравнительно чаще, чем некоторые другие изделия из железа, и количеством могут уступать лишь строительным гвоздям. Например, в раскопе, заложенном на территории Софийского двора Тобольского кремля на месте возведения иконной лавки, найдено 32 подковки. Для сравнения: другой распространенной категорией находок являются железные ножи, которых найдено всего 6 экз. [1, с. 20–22]. Данный факт интересен еще потому, что выполненные из кожи предметы сохраняются в слое достаточно редко, и именно подковки являются свидетельством широкого распространения в древнем Тобольске сложной обуви жесткой конструкции. В целом найденные подковки позволяют нам частично охарактеризовать как кузнечное ремесло, так и кожевенно-сапожное производство в городе.

Аналогичная ситуация характерна и для многих других памятников позднего средневековья на территории Московского государства и на сопредельных землях. Материалы, полученные при их раскопках, уже легли в основу некоторых публикаций, посвященных обувным подковкам. Однако имеется ряд спорных моментов, возникающих при изучении этих находок.

В частности, не разработана единая классификация. Наиболее ранняя попытка систематизировать подковки была предпринята на новгородских материалах Б.А. Колчиным [3, с. 108–110], который по способу крепления подразделил их на два типа: на шипах и на гвоздях. По тому же признаку А.В. Никитин выделил крепление на шипах, которое в его материалах было характерно для врезных подковок, и комбинированное крепление, сочетающее шипы и гвозди, – для накладных подковок [4, с. 42].

Более подробная классификация предложена в статье 1997 г. А.Г. Векслера, Ю.А. Лихтера и Д.О. Осипова, посвященной московским обувным подковкам (позднее практически без изменений использованной Д.О. Осиповым в своей монографии 2006 г.) [5, с. 114–118; 6, с. 76–77]. Авторы выделяют первоначально врезные, набивные, комбинированные подковки. Вместе с тем используются и такие признаки, как размер изделия (низкая/высокая, широкая/узкая), что вместе с учетом способов крепления позволяет подразделить подковки на восемь групп и сделать хронологическую привязку каждой.

Несколько иной взгляд на систематизацию находок предлагает А.А. Адамов, который в своей статье 2002 г. отмечает, что по классификации московских исследователей к врезным подковкам относятся любые пластины (даже имеющие незначительную толщину), но крепящиеся на шипах. На материалах городища Искер А.А. Адамовым создана еще одна классификация: по форме подковок выделяются группы изделий – округлые и приостренные, по размерам – малые и большие, по способу – врезные и накладные. Интересной особенностью системы является выделение дополнительно двух вариантов: уплощенные и ладьевидные. Для последней формы характерна плавная изогнутость пластины вовнутрь сапога. По мнению автора, такие подковки крепились на носок обуви, защищая перед подошвы от изнашивания [7, с. 116–118].

Достаточно подробную классификацию подобных находок предложили Г.П. Визгалов и С.Г. Пархимович в монографии 2008 г., посвященной археологическим исследованиям заполярного города XVII в. Мангазеи. Авторы используют для характеристики обувных подковок по способу крепления уже привычные три типа, но выделяют внутри типов многочисленные варианты, в которых учитывается, прежде всего, сочетание метрических параметров – ширина / высота / толщина, а также количество шипов и/или количество гвоздевых отверстий [8, с. 82–83].

При обработке нашей коллекции всего было учтено 112 экз., которые происходят из раскопов разных годов, заложенных преимущественно на территории Тобольского кремля. Поскольку в ряде случаев находки имеют плохую сохранность и представлены небольшими фрагментами, для создания общей классификации использовалось только 103 подковки. Для их систематизации нами используется и такой признак, как способ крепления. На его основании выделяется три типа: 1) на шипах; 2) комбинированные; 3) на гвоздях (набивные). Следует сразу отметить, что пластины, крепившиеся к подошве только на гвоздевом соединении (тип 3), в культурном слое XVII в. не обнаружены, а известные их находки принадлежат к более позднему времени. И можно утверждать, что они либо вообще не использовались в первое столетие существования Тобольска, либо не получили в нем сколько-нибудь значительного распространения.

Тип 1. Подковки, крепящиеся на трех шипах, могут быть дополнительно разделены на два подтипа: накладные и врезные.

Подтип А. Накладные подковки (50 экз.). Образуют наибольшую часть типа 1, представляют собой плоскую пластину (рис., 1, 4, 7, 10).

Подтип Б. Врезные подковки (13 экз.). Обладают значительной толщиной, они использовались для обуви на каблуке, составляя с ним единое целое. В свою очередь врезные подковки можно разделить на два варианта.

Вариант I (6 экз.) образуют подковки, у которых высота заметно превосходит ширину (подковка-скоба), плоскость основания расположена вертикально (рис., 2). Функция таких предметов заключалась, видимо, еще и в том, что они защищали каблук от стирания не только снизу, но и с боков.

Вариант II (7 экз.) образуют подковки, у которых высота примерно равна ширине (подковка-брус). Предметы этой группы имеют вертикальное сечение, близкое к квадратной или ромбической форме (рис., 5, 8).

Тип 2. Комбинированные подковки (40 экз.), все без исключения относятся к подтипу накладных (рис., 3, 6, 9, 11, 12). Дополнительным признаком их классификации является соотношение гвоздей и шипов. Чаще всего встречается вариант с двумя гвоздевыми отверстиями и тремя шипами (рис., 6). Несколько реже использовались пластины с тремя гвоздевыми отверстиями и двумя шипами (рис., 3, 12). Подковки, крепившиеся при помощи двух шипов и одного, двух, пяти гвоздей, представлены в собранной коллекции немногочисленными экземплярами (рис., 9, 11).

Ко всему сказанному следует добавить, что тобольские находки, все без исключения (согласно классификации А.А. Адамова), относятся к варианту уплощенных. Следовательно, русское население (в отличие от жителей соседнего Искера) не использовало обувь с приподнятым носом. Данный факт находит подтверждение и в коллекциях фрагментов кожаной обуви XVII в., обнаруженных в Тобольске. Их осмотр позволяет утверждать, что подковки могли крепиться либо к каблуку, либо к подошве – там, где функцию каблука выполняла серия подпяточных кожаных прокладок [2, с. 67]. Тобольские подковки отличаются от искерских также тем, что при их изучении не удалось определить существенных разрывов в метрических параметрах, на основании которых можно было бы выделить отделы – большие и малые. Это обстоятельство указывает на то, что не существовало каких-то устойчивых стандартов в определении размеров и, возможно, подковки (а соответственно и обувь) изготавливались на заказ, что в свою очередь помогает охарактеризовать уровень развития сапожного ремесла в городе. Стоит только указать, что по такому показателю, как ширина дуги, размер может варьироваться от 4,5 до 8 см.

При анализе нашего материала необходимо учитывать, что в вопросе о хронологических рамках использования обувных подковок исследователи придерживаются разных точек зрения. В наиболее ранних работах их появление относят к XIV в. [3, с. 110]. Это мнение в статье 1999 г., посвященной мангазейской обуви, оспаривает А.В. Курбатов, который считает, что использование подковок могло начаться лишь в середине XVI в., поскольку именно в то время на территории Московского государства получает широкое распространение обувь с жесткой подошвой [9, с. 265–268]. Указанная нижняя граница для данных изделий находит подтверждение в исследованиях Д.О. Осипова, который полагает, что в московских коллекциях подковки не встречаются в слоях ранее XVI в. Кроме этого, на основании выполненной им хронологической классификации он даже делает предположение о том, что «вначале изготавливались лишь врезные подковки; затем начинается использование комбинированных пластин, которые сосуществуют с врезными, постепенно их вытесняя. И лишь затем появляются набивные подковки» [6, с. 77]. Но подобным широким выводам противоречит точка зрения того же А.В. Курбатова, доказывающего, что для обувных подковок не может быть выделено каких-либо признаков, позволяющих сделать для них точные хронологические привязки [9, с. 265–267].

Следует отметить, что вопрос о том, когда обувные подковки начинают использоваться, на археологических материалах Тобольска решить невозможно, поскольку первый острог, давший начало формированию города, был построен в конце XVI в. Обзор же приведенного материала позволяет прийти к выводу о том, что схема развития хронологических признаков обувных подковок, предложенная Д.О. Осиповым, может быть принята лишь условно. Считая мнение А.В. Курбатова о появлении обувных подковок в середине XVI в. достаточно аргументированным, мы наблюдаем отсутствие сколько-нибудь значительного временного разрыва между началом использования врезных и комбинированных подковок. Последние неоднократно обнаруживались в слоях

XVI в. Москвы [5, с. 17], Искера [7, с. 117–118], Лозьвинского городка [10, с. 140]. Например, в материалах последнего поселения, существовавшего в пределах XVI в., найдены подковки сразу трех типов. И хотя тобольские находки (в отличие от московских, учтенных Д.О.Осиповым), не могут быть разделены на существовавшие в первой или во второй половине XVII в., мы все-таки попытаемся провести некоторое сопоставление этих двух коллекций. Обращает на себя внимание тот факт, что в московской коллекции этого столетия комбинированные пластины обладают количественным преимуществом. Преобладают они, например, и в культурном слое Мангазеи [8, с. 83]. А в тобольских материалах такое преимущество характерно для подковок на шипах. При этом использование последних не ограничивается лишь XVII в., в Тобольске их находки неоднократно происходят из слоя XVIII в.

Появившаяся на Руси в середине XVI в. обувь сложной конструкции получила широкое распространение на всей территории Московского государства. Вместе с ней изготавливались в значительном количестве и сапожные подковки, которые практически сразу приобретали определенное разнообразие по целому ряду параметров. И не следует ожидать, что кузнецы на столь обширной территории придерживались какого-то одного стандарта при их изготовлении. Сравнение московских, мангазейских, лозьвинских, искерских и тобольских материалов показывает, что коллекции обувных подковок разных памятников имеют значительные отличия друг от друга по целому ряду параметров. Поэтому вопросы хронологии и классификации этих находок должны решаться для каждого памятника в отдельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адамов А.А.* Отчет о работах на территории Тобольского кремля в 2000 г. // Науч. архив Тобольск. историко-архитектурного музея-заповедника. 2001. № 1731.
2. *Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г.* Город Тобольск: археологический очерк. Тобольск, 2008.
3. *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 65. С. 7–119.
5. *Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., Осипов Д.О.* Обувные подковки XVI–XVIII вв. (по материалам раскопок в г. Москве) // Рос. археология. 1997. № 3. С. 114–119.
4. *Никитин А.В.* Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // Свод археологических источников. М., 1971. Вып. Е1–34.
6. *Осипов Д.О.* Обувь Московской земли XII–XVIII вв. // Материалы охранных археологических исследований. М., 2006. Т. 7.
7. *Адамов А.А.* Обувные подковки с городища Искер (по материалам Тобольского музея-заповедника) // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2002. С. 116–122.
8. *Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск, 2008.
9. *Курбатов А.В., Овсянников О.В.* Изделия кожевенного производства в городах Русского Заполярья XVI–XVII вв.: (Мангазея) // Археологические вести. 1999. № 6. С. 245–271.
10. *Пархимович С.Г.* Некоторые итоги изучения памятников русской колонизации Восточного Урала и Западной Сибири (XVI–XVII вв.) // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986. Вып. 18. С. 138–143.

*Статья поступила
в редакцию 9.02.2012 г.*